

Но когда он подошел к Пэй Чэньцзину, все же спросил: — Это кто?

Пэй Чэньцзин собрался с мыслями и попытался обойти его, чтобы подняться наверх и войти домой, но Цзян Тин неизменно заступал ему дорогу: — Ответь мне.

Сян И вышел из машины и оттянул Пэй Чэньцзина себе за спину: — Цзян Тин, прекрати, вы уже расстались, не нужно больше приставать к Сяо Цзину.

Столь защитный жест неприятно задел Цзян Тин. С мрачным выражением лица он посмотрел на Сян И и произнес: — Ради того, что мы были однокурсниками, я не хочу портить с тобой отношения.

— Ты...

— Брат.

Пэй Чэньцзин схватил его за руку и вышел из-за спины: — Брат, я сам разберусь с этим.

Он не хотел, чтобы Сян И из-за него вступал в конфликт с Цзян Тином, да и сам он больше не был тем ребенком, которого нужно вечно защищать.

Сян И отошел в сторону, но не ушел, настороженно глядя на Цзян Тина, чтобы не допустить с его стороны каких-либо необдуманных поступков, способных навредить Пэй Чэньцзину.

— Думаю, я уже предельно ясно всё сказал: между нами всё кончено. То, что ты сейчас снова появился передо мной, — это попытка лично убедиться, не использую ли я прием уступки, чтобы завладеть вниманием?

Цзян Тин замер. Он долго ехал сюда на машине, искренне полагая, что Пэй Чэньцзин поймет его, но никак не ожидал, что первыми словами, обращенными к нему, станут такие.

— Я приехал забрать тебя домой, хватит дурить.

Пэй Чэньцзин нашел это невероятно смешным. Цзян Тин оставался всё тем же знакомым ему Цзян Тином, которому совершенно наплевать на чужие слова.

— Ты всегда такой, Цзян Тин, — Пэй Чэньцзин улыбнулся, но от этой улыбки у Цзян Тина тревожно защемило сердце. — Тебе ведь безразлично всё, что бы я ни говорил. Тогда зачем вообще было меня искать?

Цзян Тин инстинктивно возразил: — Я не такой.

— Не такой? Тогда почему, когда я раз за разом повторял, что мы расстались, ты всё равно упрямо продолжал считать, что я просто капризничаю?

Пэй Чэньцзин начал терять терпение. Редко когда он позволял себе проявить столь несвойственное ему раздражение перед Цзян Тином. Вид ничего не понимающего Цзян Тина лишь разжигал огонь в его груди, и, пока тот растерянно замер от его вне вспыхнувшего гнева, Пэй Чэньцзин обошел его стороной.

— Постой, Пэй... Чэньцзин!

Цзян Тин по привычке назвал его по имени и фамилии. Когда-то Пэй Чэньцзину казалось невероятно сексуальным, слетающее с его губ такое имя — небрежное и низкое, но теперь это звучало жалко.

Цзян Тин совершенно не умел ссориться и уж тем более не знал, что в близких отношениях извиняться нужно, используя особые ласковые прозвища, иначе искренности не почувствуешь. В его глазах Пэй Чэньцзин всегда оставался лишь просто Пэй Чэньцзином.

— Я не знаю, почему ты вдруг взбунтовался, но если дело в смене работы, я согласен. Можешь заниматься чем угодно, только поехали со мной домой, ладно? Я купил тебе подарок...

— Домой? — Пэй Чэньцзин остановился, но не обернулся. — В какой именно дом? В тот, откуда ты мог в любой момент выставить меня за дверь, стоило тебе только захотеть?

Цзян Тин опешил, а Пэй Чэньцзин продолжил: — Это твой дом, Цзян Тин, а мой дом здесь.

— За тот случай я уже извинился. Клянусь, больше такого не повторится.

— Цзян Тин, признай же: ты ведь на самом деле никогда не воспринимал меня как члена семьи. Я был для тебя всего лишь послушным и удобным партнером для постели, да еще и с функцией автоматического возврата — что бы ты ни натворил, я без всяких границ прощал тебя и возвращался. Это моя вина, что ты решил, будто у меня вовсе нет ни достоинства, ни гордости.

— Пэй Чэньцзин!

Подобные слова самоуничижения почему-то разозлили Цзян Тина, и он громко оборвал его. Но спина Пэй Чэньцзина по-прежнему оставалась прямой, он даже не обернулся, чтобы взглянуть на него. Между ними было всего несколько шагов, но Цзян Тин чувствовал себя так, будто их разделяла пропасть.

— Я вовсе не так о тебе думал.

— Но поступал именно так. И по сей день ты уверен, что стоит тебе снизить до поисков меня, как я тотчас же преисполнюсь благодарности, забуду все обиды и поплечусь за тобой, вместо того чтобы неблагодарно бросаться подобными глупостями.

— Я...

Цзян Тин онемел. Он действительно не ожидал от Пэй Чэньцзина такой непреклонности. Ради такого случая он даже, нарушив все привычки, устроил дома небольшую вечеринку, поджидая возвращения Пэй Чэньцзина.

— Я действительно больше не вернусь. Веришь ты или нет. Тогда ты сказал, что мы можем попробовать, и хотя результат проявился с опозданием, до отчаяния еще не дошло: совершенно очевидно, что мы не подходим друг другу, так что давай не будем тратить время друг друга.

Слова Пэй Чэньцзина прозвучали как удар грома. Он говорит, что они не подходят друг другу! Но раз они не подходят, с какой стати Цзян Тин столько времени держал его рядом!

Однако сквозь стиснутые зубы у него вырвалось лишь: — А кто тогда подходит? Сян И?!

— Цзян Тин, с тебя хватит!

Сян И больше не мог на это смотреть и загородил Цзян Тину обзор. До сих пор он молча сдерживался, но теперь понял, через что Пэй Чэньцзин проходил все эти годы.

— Между нами нет абсолютно ничего общего. И даже если зайти в рассуждениях дальше некуда — сейчас он с тобой расстался, и с кем ему быть — его личное дело.

Цзян Тин продолжал упрямо смотреть на Пэй Чэньцзина поверх плеча Сян И: — Ты тоже так считаешь?

Пэнь Чэньцзин шевельнул пальцами, но, не сказав ни слова, зашагал прочь.

— Хорошо, просто прекрасно.

Сян И проводил мрачным взглядом отъезжающую машину, а затем отыскал глазами прислонившегося к стене Пэй Чэньцзина: — Ты как?

Пэй Чэньцзин отсутствующим взглядом смотрел в пустоту неба. Осеннее небо было чистым и прозрачным, пустые просторы отражали состояние его сердца.

— Братец Сян И, неужели я такой никчемный? Даже после всего этого мне всё еще больно.

Сян И неожиданно кивнул: — Есть немного.

Его прямота даже заставила Пэй Чэньцзина усмехнуться. Слегка расслабившись, тот произнес: — Скажу, и ты не испугаешься посмеяться: когда-то очень давно я думал об этом. Наверное, в те моменты я любил его сильнее всего. Я знал, что даже самая крепкая любовь со временем стирается, но от одной мысли о том, что мы когда-нибудь расстанемся, моё сердце сжималось от боли.

Пэй Чэньцзин поднял руку и прижал ее к груди: там не чувствовалось ничего особенного, лишь легкое стеснение, словно всё внутри окончательно онемело.

<http://bllate.org/book/26721/3200412>